

Н. Н. Вересов, А. Ю. Агафонов.

Теории эмпирические и рефлексивные¹

«Для того, чтобы выстраивать теорию, мы должны исходить из некой системы допущений. Например, в классической физике Ньютона, — говорит, отвечая на вопрос А. Агафопова, Н. Вересов — вопрос о том, что такое движение, имеет смысл, если изначально предполагается, что есть абсолютное пространство и абсолютное время (причем и то и другое гомогенное), в котором возможны тела и движение. Так вот, если мы вернемся к психологии, то оказывается, что до сих пор она как наука не отрефлектировала свои постулаты и аксиомы (т. е. свои собственные основания). Я думаю, что есть в психологии одно допущение (кстати сказать никем не доказанное и не опровергнутое, ну чем не аксиома) о том, что существует нечто, называемое **ВНЕШНЕЕ** и нечто, называемое **ВНУТРЕННЕЕ** (включая так называемый внутренний мир человека).

В разных школах психологии это рассматривается по-разному (по Фрейдю — внешнее, то есть культура подавляет внутренние импульсы, по Выготскому — внешнее, социальный мир есть источник внутреннего, то есть сознания). Но что само собой разумеется, так это то, что “внешнее” отличается от “внутреннего”. И вот этот постулат о существовании внешнего и внутреннего для современной психологии имеет примерно такой же статус, как для классической физики постулат об абсолютном пространстве и времени.

И то и другое просто соответствует нашему опыту и потому считается самоочевидным. Но стоит только спросить “Внутренний мир — это ГДЕ?” — как тут же начинаются всякие выкрутасы, типа “внутри меня, в моем сознании, в мозге и т.д.”, что свидетельствует лишь об одном, а именно, что никто не в состоянии указать, ГДЕ находится этот самый внутренний мир, то самое сознание. Так что..., как это ни банально, прежде чем отвечать на вопрос, ЧТО такое сознание, может быть имеет смысл подумать над ответом на вопрос ГДЕ? Где граница между внешним и внутренним? Может ли “видимость — невидимость” (внутреннее

¹ Вересов Н. Н., Агафонов А. Ю. «Внутреннее» – это где? Или возможна ли не-эмпирическая теория сознания? // Журнал прикладной психологии. 2005. 2–3. Общая психология. С. 11–15.

невидимо, внешнее — видимо) считаться надежным критерием для их различения? Можно ли факт существования внешнего считать достаточным основанием для того, чтобы считать внутреннее существующим? Откуда вообще пошло это разделение на внутреннее и внешнее как нечто само собой разумеющееся?

Одним словом, проблема соотношения внешнего и внутреннего (которая и определяет *общий* подход к сознанию) сама оказывается вторичной, производной от допущения об их существовании.

Но кто сказал, что постулаты вечны? ...А что, если оппозиция “внешнее-внутреннее” не является абсолютной и границы между ними вообще нет? И, наконец, имеется ли у нас достаточно оснований для какого-то иного подхода?

А. Агафонов.: Вы затронули очень важную и, безусловно, сложную проблему. По этому поводу я бы предложил следующие тривиальные рассуждения. (Теоретическое представление об аксиоматических основаниях и должно быть, на мой взгляд, достаточно тривиальным).

Собственный психический мир носителю сознания дан в осознанных переживаниях **с субъективной очевидностью** (Выделено мной – С. Р.). То, что я воспринимаю, в момент восприятия не смешивается с моей способностью воспринимать. Мое отношение к другому человеку не есть сам этот человек. Образ представления яблока не есть само яблоко. Мысль относительно природы сознания не есть природа сознания. Словом, существует как **объективная**, в смысле, не нами изобретенная, **реальность наших психических переживаний** (Выделено мной – С. Р.).

*Если этой реальности нет (чего мы не можем помыслить и что противоречит опыту каждого из нас), то и разговора о том, как устроено и пространственно организовано то, чего нет, не может быть. Таким образом, **первым постулатом является констатация онтологического существования психического** (Выделено мной – С. Р.).*

Далее, мы должны с логической необходимостью допустить, что существует нечто, что качественно отличает человека от камня, укропа, курительной трубки, компьютера, дельфина и обезьяны. Это нечто назовем сознанием. Анализ различия человека от всего, что

существует и могло бы существовать, неизбежно предполагает анализ “внутреннего”, так как, повторяюсь, это “внутреннее” определено с субъективной очевидностью. Ничего о другом “внутреннем” мы не знаем.

*Сомневаюсь, что вопрос о границе является корректным. Он правомерен, когда мы указываем на границу в гомогенной среде. Пространство “внутреннего” или то, что я называю пространством познавательных контуров сознания, скорее **метафора** (Выделено мной – С. Р.). В этом смысле, конечно, нет никакой границы между “внешним” и “внутренним”.*

Но отсутствие такой границы не говорит об отсутствии как “внешнего”, так и “внутреннего”. Мой стыд или моя радость для меня есть, хотя нигде кроме как во “внутреннем” я их не нахожу. Кроме того, думаю, что прежде чем задавать вопрос “Где?”, мы должны понять, зачем нам ответ на этот вопрос, если непосредственность эффектов осознания не требует доказательства. Для меня пока непроницаема связь ответа на этот вопрос с решением проблемы сознания.

Н. В.: Почему я говорю о внешнем и внутреннем? Ведь тайна сознания, если хотите — в переходе внешнего во внутреннее и наоборот. Если сознание это отражение внешнего мира (пока не важно, каков характер этого отражения), то предполагается система отражающая (даже две системы — отражаемая и отражающая). Если это отражение, даже активное, воссоздающее или создающее (или преобразующее отражение — пре-образ — перевод во образ) — все равно имплицитно предполагается наличие двух систем. <...> Вопрос о границе не имеет отношения к гомогенности. Почему она есть только в гомогенной среде? Разве не может быть границы между средами? Конечно, образ яблока не есть само яблоко. Понимаете, дело здесь не в самой границе, а в том, что если сознание — это отражение (пусть даже обобщенное и т.д.), то вполне правомерен вопрос “А где находится образ яблока?”. <...>

Вот здесь-то мы и приходим к тому, почему необходимо говорить о внешнем и внутреннем. Я согласен с тем, что первым постулатом является констатация онтологического существования психического. Но в любом теоретическом построении о сознании предполагается наличие, существование внешнего и внутреннего. Ведь вы фактически об этом

говорите, констатируя онтологическое существование психического (внутреннего) и внешнего. Если я правильно понял, то с Вашей точки зрения и то и другое

- существует объективно;
- определяется с субъективной очевидностью.

И тем не менее, в Вашем построении (которое мне очень симпатично), все равно предполагается существование внешнего и внутреннего и связи между ними. Это именно постулат, или даже метапостулат, без которого и вне которого говорить о сознании вообще, казалось бы, не имеет смысла.

Однако здесь есть один **слабый пункт** (Выделено мной – С. Р.). А именно, вы постулируете, основываясь на эмпирическом опыте (называя его субъективной очевидностью). Иначе говоря, аксиома такова: объективно существует то, что дано человеку как внешнее (яблоко), и объективно существует то, что дано человеку как внутреннее (образ яблока). И то и другое дано с очевидностью. По-моему, слабый пункт здесь вот в чем. Солнце восходит и заходит, и это тоже дано с очевидностью. И эта очевидность легла в основу геоцентрической астрономии. **Астрономия Коперника построена на иных постулатах, просто противоречащих эмпирическому опыту, то есть этой самой субъективной очевидности** (Выделено мной – С. Р.).

Так вот, я утверждаю, что, если мы говорим о сознании, то **возможна** (а может быть и необходима) иная аксиоматика. Сохранение старой аксиомы приведет к тому, что любая теория сознания **будет просто системой обобщений эмпирического опыта** (Выделено мной – С. Р.).

Вы спросите, а чем это плохо? Ведь, по мнению многих, теория и есть обобщение эмпирического опыта для выявления общего, для выявления законов, лежащих в основе связи явлений, данных в опыте.

Мой заход другой — я хочу выяснить, что делает возможным именно ТАКОЙ эмпирический опыт (Выделено мной – С. Р.). То есть, если снова обратиться к классическому примеру астрономии, **я хочу понять, почему для наблюдателя с Земли Солнце вращается вокруг Земли, хотя на самом деле все обстоит иначе** (Выделено мной – С. Р.).

Я фактически сейчас говорю о том, что на самом деле существует **два типа теорий** (Выделено мной – С. Р.). Есть теории **рефлексивные** и есть теории **эмпирические**. Первые потому и называются рефлексивными, что вырабатывают внутри себя **аппарат рефлексивных процедур, то есть в каждом шаге рефлексии над ОСНОВАНИЯМИ эмпирического опыта. То есть постоянно «держат вопрос» о том, почему опыт такой и никакой другой (почему для наблюдателя с Земли движется именно Солнце) (Выделено мной – С. Р.)**.

Что же касается теорий не-рефлексивных, или, если называть вещи своими именами, позитивистских, то строятся они в полном соответствии с научными критериями и идеалами рациональности 18 века. Есть реальность, данная эмпирически, в субъективном опыте, есть законы, которым она подчиняется. Выявление этих законов возможно путем эксперимента и обобщения полученных данных. Больше того, рефлексивные теории

1. Строятся на ясно сформулированных (если хотите, отрефлексированных) постулатах, даже если они противоречат эмпирическому опыту. Гелиоцентрическая модель явно противоречит эмпирическому опыту.

2. На основе постулатов формулируются выводы о том, почему эмпирический опыт именно таков (почему для наблюдателя с земли **КАЖЕТСЯ**, что Солнце восходит и заходит). Иными словами, сама возможность именно такого эмпирического опыта подвергается теоретической рефлексии.

3. Создают теоретические модели для описания реальности, описать которую **ИНАЧЕ** невозможно.

Как видно, рефлексивные теории существенно отличаются от позитивистских, которые строятся на обобщении эмпирического опыта с целью выявления законов той реальности, которая в нем дана.

С самого начала своего существования, психология была и остается наукой позитивистской. А вот физика, например, давно уже стала наукой рефлексивной, и в этом смысле для психологии может служить прекрасным примером для подражания. Я даже не говорю о квантовой теории (Выделено мной – С. Р.). Для начала можно просто ограничиться анализом того, что стало основой физики Ньютона. Я хочу сказать, что то, что проделала физика, подвергнув рефлекс-

сивному анализу эмпирический опыт, и доказав, что на основе эмпирических данностей теорию построить НЕЛЬЗЯ, может оказаться ценным и для нас, психологов.

Более того, современная философия физики с ее *преодолением* понятий, казавшихся НЕЗЫБЛЕНЫМИ и самоочевидными и соответствующими опыту, представляется мне просто очень поучительной.

Приведу в этой связи некоторые мысли А. Эйнштейна по этому поводу. Так, в книге «Эволюция физики», которую я бы рекомендовал прочитать и обсудить всем, кто начинает изучать психологию (А. Эйнштейн, Л. Инфельд. Эволюция физики, М., 1965) мы находим замечательное описание эволюции физики из науки эмпирической в науку рефлексивную. Здесь прекрасно сказано об интуиции и теории. Обратите внимание на мысль об идеализированном эксперименте.

Итак: «Самая фундаментальная проблема... — это проблема движения. ...Наша интуиция связывает движение с такими действиями, как толчок или тяга. Кажется естественным заключение, что чем сильнее действие, оказываемое на тело, тем больше будет его скорость. Таким образом, интуиция говорит нам, что скорость существенно связана с внешним воздействием (с.9). <...> Может быть, главным основанием продолжительной веры в эту интуитивную идею повсюду в Европе был великий авторитет Аристотеля. В «Механике».. читаем: “Движущееся тело останавливается, если сила, его толкающая, прекращает свое действие” (с.10). Открытие, сделанное Галилеем... учит нас тому, что **интуитивным выводам, базирующимся на непосредственном наблюдении, не всегда можно доверять** (Выделено мной – С. Р.), так как они иногда ведут по ложному следу.

Предположим, что некто, идущий по горизонтальной дороге с багажной тележкой, внезапно перестает ее толкать. Тележка будет двигаться еще некоторое время, пройдя небольшое расстояние, а затем остановится. Мы спрашиваем: как можно увеличить это расстояние? Для этого имеются различные способы, например смазывание колес или устройство более гладкой дороги. А что же дает смазывание колес или сглаживание неровностей пути? Только одно: становится меньше внешнее влияние. Уменьшается эффект, называемый трением, как в колесах, так и между колесами и дорогой.

Это уже теоретическое толкование наблюдаемых данных, толкование, которое пока еще произвольно... Представим себе совершенно гладкий путь и колеса, вовсе не имеющие трения. Тогда ничто не останавливает тележки и она будет катиться вечно. Этот вывод достигнут только размышлением об идеализированном эксперименте, который никогда не может быть осуществлен, так как невозможно исключить все внешние влияния. Идеализированный эксперимент указывает путь, на котором фактически были установлены основы механики движения.

Сравнивая оба метода подхода к проблеме, мы можем сказать, что интуитивная идея такова: чем больше воздействие, тем больше скорость... Новый же путь, указанный Галилеем, таков: если ничто не толкает и не тянет тело или если на тело ничто не действует каким-либо другим образом, короче говоря, если на тело не действуют никакие силы, оно покоится или движется прямолинейно и равномерно, т. е. всегда с одинаковой скоростью по прямой.

Следовательно, скорость сама по себе не показывает, действуют ли на тело внешние силы или нет. Правильный вывод *Галилея* был сформулирован спустя поколение Ньютоном в виде *закона инерции*... *Всякое тело сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения, если только оно не вынуждено изменять его под влиянием действующих сил.*

Мы видели, что **закон инерции нельзя вывести непосредственно из эксперимента** (Выделено мной – С. Р.), его можно вывести лишь умозрительно — мышлением, связанным с наблюдением. Этот идеализированный эксперимент никогда нельзя выполнить в действительности, хотя он ведет к глубокому пониманию действительных экспериментов.

В наших попытках понять законы природы мы подобным же образом находим, что самое очевидное интуитивное объяснение зачастую бывает ложным. Человеческое мышление творит вечно изменяющуюся картину вселенной. Вклад Галилея в науку состоял в разрушении интуитивного воззрения и в замене его новым. В этом — значение открытия Галилея.

Но немедленно же возникают дальнейшие вопросы о движении. Если не скорость является показателем внешней силы, действующей на тело, то что же тогда? Ответ на этот фундаментальный вопрос был

найден Ньютоном... Представим себе, что прямолинейно и равномерно движущаяся тележка получает толчок в направлении движения. Что произойдет при этом? Очевидно, ее скорость увеличится. Так же очевидно, что толчок в направлении, противоположном направлению движения, должен уменьшить скорость.

В первом случае движение тележки ускоряется толчком, во втором — замедляется. Вывод вытекает сразу же: **действие внешней силы изменяет скорость** (Выделено мной – С. Р.). Таким образом, не сама **скорость**, а ее изменение есть следствие толчка или тяги. Сила либо увеличивает, либо уменьшает скорость, соответственно тому, действует ли она в направлении движения или в противоположном направлении.

Идя по этому верному пути, мы достигаем более глубокого понимания проблемы движения. Основой классической механики, как она сформулирована Ньютоном, является связь между силой и изменением скорости, а не между силой и самой скоростью, как мы думали, согласно интуиции”. Простите меня за столь развернутое цитирование. Посмотрите, как была преобразована сама идея движения (и силы) в физике. **Теория строилась просто в противоречии очевидности** (Выделено мной – С. Р.). Что же касается психологии, то она не может похвастаться хоть каким-то прогрессом в смысле рефлексии над собственными основаниями. Это было бы и не нужно, если бы психология не находилась в состоянии перманентного кризиса. Физика вышла из кризиса, подвергая сомнению то, что казалось очевидным. А психология ищет иные пути, не подвергая сомнению основные аксиомы, главная из которых (обрекающая просто фактом своего существования психологию на то, чтобы остаться наукой эмпирической) есть аксиома о внешнем и внутреннем.

А. А.: Никогда нельзя быть окончательно уверенным в том, что ты понял другого правильно, то есть в соответствии с его действительными идейными и эмоциональными посылами. Тем не менее, пренебрегая мерами интеллектуальной предосторожности, готов полностью согласиться с Вами в части рассуждений об эмпирической очевидности и необходимости построения теоретического знания на контринтуитивных основаниях. Естественно, теоретические описания и объяснения реальности, в том числе, конечно, психической реальности, включают в себя допущения о существовании явлений,

находящихся «по ту сторону непосредственного опыта», то есть за пределами чувственно доступной эмпирии.

Но важно различать кажимость явления и его истинную природу. Последняя, собственно, и подлежит теоретической реконструкции. Утверждение, типа: “сознание отражает действительный мир” — не более чем, констатация профанического знания. Приватный язык провоцирует нас понимать природу явления сознания как само явление сознания, то есть как конечные эффекты осознания. Сказать, что психика со своим аппаратом сознания отражает мир, еще не значит, указать на то, как это происходит, и почему мы переживаем с субъективной очевидностью происходящее вне нас.

Поясню на Вашем же примере. Визуальное знание о том, что Солнце движется вокруг Земли, то есть, профаническое знание на уровне зрительного восприятия движения Солнца относительно наблюдателя, который находится в определенной точке Земного шара, — это знание о явлении, которое требует еще объяснения. Само явление для нас чувственно доступно. Но оно является понимабельным, в силу того, что мы обладаем другим знанием, а именно, знанием о том, что Земля вращается вокруг Солнца, и только поэтому для нас объясним тот факт, что видим мы, все-таки, движение Солнца, а не движение Земли.

Так вот, мы знаем, что сознание отражает мир, но не знаем истинную природу этого явления. Иными словами, мы не обладаем пока тем знанием, которое давало бы возможность понять, почему мы знаем, что сознание отражает мир. Психологи не могут разобраться с самим понятием “осознание”. Что значит — осознать? Ведь это не тривиальный вопрос.

Сам эффект осознания является заключительным моментом неосознаваемой деятельности сознания. Но, как и что мы осознаем? Осознаем ли мы сам физический объект, на котором мы концентрируем внимание? Или при этом осознается что-то другое, хотя мы и переживаем факт присутствия, например, дерева, в перцептивном поле? А если осознается объект, он что, является содержанием сознания? Чем же оперирует сознание, если становится возможным эффект осознания? Не деревом же... Словом, я хочу сказать, что

теории с необходимостью строятся в отношении к основаниям эмпирического опыта.

В истории психологии почти всегда так было, за исключением, пожалуй, ортодоксального бихевиоризма. Хотя и бихевиористы были вынуждены вводить эмпирически не фиксируемые “промежуточные переменные”, чтобы спасти свою стимульно-реактивную парадигму. Ни “творческий синтез”», ни “психические обертоны”, ни механизм вытеснения, а также ни архетип Тени, установки, “чувственная ткань сознания” или “стремление к превосходству” не даны в осознании, но являются в авторских теоретических построениях теми конструктами, которые используются для объяснения осознаваемого, будь то ошибочное действие, безрассудный поступок или любовная страсть.

Только допуская существование непредставимого и невозможного с точки зрения опытного наблюдения, можно выстроить эвристичную, с сильным объяснительным потенциалом теорию. И рефлексивная теория, если уж пользоваться Вашей терминологией, также открывает нам план понимания эмпирических феноменов. В противном случае, зачем она нужна?

В сравнении с физикой, по уровню развития психология сейчас находится на стадии Ньютоновской механики. Мы не понимаем пока психомеханики сознания, что уж говорить о ментальной термодинамике... Пока мы не выстроим логику работы сознания, мы не двинемся в понимании природы психического»².

² Вересов Н. Н., Агафонов А. Ю. «Внутреннее» – Это где? Или возможна ли неэмпирическая теория сознания? // Журнал прикладной психологии. 2005. 2–3. Общая психология. С. 11–15.